

Рина Церус

ЧЕРЕПАХОВЫЙ КОТ

Рина Церус

ЧЕРЕПАХОВЫЙ КОТ

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Церус Р.

ЧЕРЕПАХОВЫЙ КОТ / Р. Церус — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Жутковатый незнакомец, вручающий вам соблазнительный и страшный подарок; загадочный трансгендер, исследующий собственную смерть в прежнем земном воплощении; два отчаянных гея, бросивших вызов хитрому педофилу... И, конечно же, «невозможный» и «неправильный» черепаховый кот! Эти и другие странноватые люди (а также коты) ждут встречи с вами на страницах произведений Рины Церус. Содержит нецензурную брань.

© Церус Р., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Камень и книга *Посвящается Джейн.*

Наверняка у многих из нас, таких стильных и остроумных, имеется некая невинная низкопробная пристрастишка. Ну, там, цирки, фейерверки, карусели со сладкой ватой. Фильмы про супергероев. Я вовсе не собираюсь рассуждать, какое место в нашей жизни занимают пошлость и китч, равно как и разгадывать секреты притягательности вульгарного. Я всего лишь хочу сказать, что в моём случае это фуд-корт.

Бог знает почему, но я, такой нелюбитель ходить по магазинам, бескорыстно привязался к одному большому торговому центру в новостройках – модно-уродливому, похожему снаружи на помесь цеха с теплицей, а внутри – на все заведения подобного рода. Оказываясь в тех краях, я порой совершенно без денег и повода забредаю в этот молл, прошмыгиваю по сияющим этажам и, напустив на себя потребительскую озабоченность, хмуро встаю на эскалатор. Мне нравится, как он возносит меня к мутно-прозрачному потолку и как он пахнет далёкой подземной Москвой, чужой содержательной суматохой и детским предвкушением приключений. На какой-то миг я присваиваю всё это, пока другие методично и легально присваивают чужую готовую жизнь, сидя с ведёрками попкорна в кинозале за стеной. В кинозал я никогда не хожу. Фуд-корта мне вполне достаточно.

Эти суетные лабиринты живут по главному закону – непрерывно нести сиюминутное удовольствие. И ради этого фуд-корт не жалеет ни электричества, ни масла, ни сахара. Ничто не слишком! Горячее должно быть обжигающим, холодное – ледяным, сладкое – приторным. Ах, не спрашивайте, что останется от фуд-корта, если содрать с него эту яркую оболочку из синтетики, ароматизаторов и глутамата.

У фуд-корта свои понятия о красоте, вкусе и пользе. И, конечно, свои понятия о географии. Здесь Украина, вся в плетнях и горшках, граничит с полубумажной Японией. А Соединённые Пончиковые Штаты превращают Италию в дорогой застеклённый анклав. Вся эта бутафорская акцентированная этника делает фуд-корт совершенно космополитичным. Здесь как нигде чувствуешь себя современным горожанином – вечно молодым, продвинуто-мобильным, занятым и беззаботным одновременно.

Итак, меня вновь туда занесло. Я обошёл Америку стороной и направился в Китай – ради удоны и шиитаке. Разделавшись с квадратной коробочкой, я, конечно, только раздражил желудок, и завернул к жёлтенькой пиццерии.

Сидел я и ждал своей «маргариты», скрашивая ожидание солomatой картошкой и стаканом глнтвейна. Планшет мой, беспородный китаец на андроиде, успел разрядиться и теперь бездарно дремал в рюкзаке. Ближайшая розетка дразнилась в десяти шагах, на колонне. Я, конечно, мог бы откочевать туда вместе со стулом, если бы не картошка и не глнтвейн. А в перспективе ещё и пицца. Бесплатный вай-фай – лучшее угощение фуд-корта, а я его лишён. Но ничего, я всё равно чувствую себя мобильным и продвинутым, не ощущая доброй половины моих тридцати шести лет.

К тому же, я нынче неплохо выгляжу. Вчера наконец-то купил себе штаны и весенние ботинки. Почему «наконец-то»? Потому что при всей простоте моих запросов одеть меня нелегко.

Умный человек на моём месте уже давным-давно бы понял, что походы за тряпками стоит начинать с подростковых отделов... и там же заканчивать. А я понял это буквально вчера. Людей моих габаритов производители взрослой мужской одежды не любят. Нас для них как бы не существует. Нет, я, конечно, не Дэниел Квилп из диккенсовской «Лавки древностей», но...

Кстати, если уж зашёл этот разговор и вы хотите получить примерное представление о моей внешности (и отчасти о внутреннем моём мире, будь он неладен), сплусуйте мистера

Квилпа с Нелли Трент и разделите пополам – полученным средним арифметическим и буду я.

Порой я слышу на улице: «Братан, закурить не найдётся?» – и торопливое извинение, когда «братан» подойдет поближе и молча протянет сигарету. Кондукторша в трамвае недавно обозвала меня «женщиной», чем грязно плюнула себе в карму. Но чаще всего ко мне обращаются так, как обращаются к большей половине населения этой страны, невзирая на возраст и семейное положение: «*девушка*».

Если смотреть на меня сквозь призму кондовой лесбийской классифики, то я не буч и не делаю ничего, чтобы им быть. На лесбийский взгляд я, скорее, дайк, вечный растрёпанный юноша (правда, несколько уже потёртый и седоватый). Наверное, будь я лесбиянкой, мне жилось бы проще. Я почему-то нравлюсь некоторым женщинам. Но женщины не нравятся мне.

Стоит ли говорить, что я тотально одинок? В своё время у меня было два любовника, привлечённых моей ускользящей нелли-трентностью. Но и тот и другой неизбежно сделали ноги, едва поняв, что вместе с Нелли получают и мистера Квилпа. Я этих чуваков не сужу и не вспоминаю. И давно уж не смотрю с затаённой порочной грустью на недоступных тонконогих красавцев, так чудовищно-быстро расцветших, пока я разбирался в себе и готовился умереть. Подумать только: эти лёгкие мальчишки уже годятся мне в сыновья... А я до сих пор жив. И слишком беден, чтобы покупать их и швырять, точно использованные салфетки. Слишком беден, слишком привязчив. И слишком тяжёл. Хотя многие обвиняют меня в обратном. Как-то раз меня обозвали сорванным листиком и птичкой божьей. Но я не листик и не птичка. Я, скорее, придорожный камень, отзывчивый на спонтанные пинки и живущий на фрилансе.

Итак, я ждал пиццы, тосковал об Интернете и глазел исподтишка на публику. За соседним столом обжирались бургерами три вертлявых феи. Стразики, подвесочки, завитушки. Какой же я всё-таки старик. Я не выношу современных девиц и особенно их речь – визгливо-завывающие модуляции и непрерывное *то-штотоканье*. Они суют эту конструкцию во все фразы, она заменяет им все возможные «затем», «поскольку» и «потому что». А чаще втыкают в начало реплики просто без смысла, для склейки слов. Уж лучше бы вместо этого матерились, ей-богу. Хотя и мат у них нынче грамматически искорёжен, судя по соцсетям... Нет, я невыносимо стар, несмотря на мальчишеские ботинки.

Подкатила тележку женщина в синем переднике, забрала мой опустевший стакан и картонку из-под картофеля (да, я быстро ем и не менее быстро пью). Эта женщина была давней и неотъемлемой принадлежностью фуд-корта. Я частенько рассматривал её и думал, что, будь на моём месте какой-нибудь писатель, он давно бы зашил эту тётоньку в невыносимо-грустный рассказ. Про себя я называл её «сушёной Золушкой». Впервые увидев её – издали и со спины – я изумился её тонкой фигуре и пышным волосам. Вблизи Золушка оказалась морщинистой, хромой, с навек застывшей обидой в глазах. Казалось, минуту назад она была совсем юной, но пронёсся какой-то мертвящий ветер, и девочка сморщилась под своим отрочески-крикливым макияжем. По каким же правилам живут эти странные создания – женщины?

А вот эта темноволосая, наискосок от меня... Очень высокая, в бежевом свитере и простых коричневых брюках... Ну, тут совсем другое дело. Что в ней лучше всего – спокойное, величественное отсутствие всякого мелкого и лишнего. Как славно драпирует свитер её небольшую грудь. Но по-настоящему залюбовался я не грудью, а руками: крупные руки, с длинными пальцами и чуть выступающими, неяркими, остро подточенными ногтями. В этих руках уютно лежал белый смартфон, и женщина, опустив большие тёмные глаза, редко и медленно касаясь экрана, что-то с него благосклонно читала. Потом она взяла чек и пошла к прилавку.

Пока юные филологи в жёлтых косынках резали для неё пиццу, собирали салат и наливали минералку, стол наискосок от меня заняла шумная толстоватая семья с двумя детьми. С подносом в руках незнакомка оглядела фуд-корт, подыскивая столик взамен упущенного, и вдруг направилась ко мне.

Я – существо из тех, к кому никто никогда не подсаживается. Уж не знаю почему, но люди, наверное, инстинктивно секут некую невидимую грань между нами – и держатся на расстоянии. Когда-то я из-за этого недоумевал и грустил, но с годами понял, что это, скорее, достоинство, чем недостаток. Ещё вопрос, кто кому более не нужен – я людям или они мне.

Но эта женщина подошла и села за мой стол, безгласной улыбкой спросив разрешения. Я улыбчиво кивнул в ответ, посмотрел на часы в телефоне и тоже взял чек:

– Простите, вы не присмотрите за моим рюкзаком?

– Конечно, – улыбнулась она.

Голос был хрипловатый и... *совершенно мужской*.

Трудно съесть горячую пиццу прилично. Пожалуй, труднее только прилично съесть глазунью. У меня был однажды такой опыт, вспоминаю до сих пор. Только представьте: вокруг – гостиничный ресторан, полный чужих солидных людей, я тоже корчу из себя солидного человека, а сам только о том и мечтаю, как бы схватить тарелку и по-домашнему облизать. Но вместо этого смиренно орудую столовым ножом, заранее скорбя: почти весь желток отправится к судомойкам.

Обладательница прекрасных рук и мужского голоса управлялась с пиццей так же спокойно и элегантно, как, похоже, делала всё на свете. И даже когда с ломтика сорвался гриб и упал на поднос, она просто подняла его и съела, совершенно не погрешив против эстетики.

Я осторожно дул на свою пиццу. Я везуч на мелкие пакости. Потому в моём случае вот этот помидорный ошмёток наверняка свалится не на поднос, а на штаны. А поднять и съесть что-то со штанов – далеко не то же, что с подноса. «Но ты всё равно это сделаешь», – просипел мне мистер Квилп и оскалился в фирменной тошнотворной улыбке.

Я как мог утихомирил мистера Квилпа и воззвал к Нелли Трент. Спасибо милой девочке: с моей пиццы ничего не свалилось, и она даже не сильно меня обожгла, будучи съеденной медленно, малыми пристойными кусочками.

А женщина в бежевом свитере... Да чтоб мне провалиться. Чем дольше я на неё смотрел, тем больше понимал, что мы давно и странно знакомы. И пусть я буду выглядеть последним пошляком или даже психом, но я с нею заговорю.

И я заговорил. Начал, кажется, с того, что только жители нашего города могут познакомиться в поезде и всю дорогу сплетничать об общих знакомых. Помянул теорию шести рукопожатий, пропел осанну Интернету, превратившему мир с его границами и таможенными в одну большую коммуналку... Ещё мне очень хотелось, чтобы женщина с мужским голосом заметила, что моя рубашка неспроста застёгивается на правую сторону. Что под воротом змеится толстая, отнюдь не дамская серебряная цепь, и что я в целом такой, какой есть.

– А я вас, кажется, помню, – просто сказала она. – Вы... Григорий?

Григорий. В миру Ксения. А она – Элен. В паспорте – последние лет десять – Елена. Но я буду называть её тем именем, под которым она встретила меня когда-то на просторах Великой Сети.

То было время, когда я купил себе певучий диалапчатый модем и жадно бросился искать уродов, подобных себе. У меня быстро сложился причудливый круг знакомств – причудливый на взгляд постороннего, *нормального* человека. А на мой взгляд – единственно возможный и логичный. Интернет легко смыл с меня социофобию. Я был великолепен, и в любом *нетрадиционном* чате моментально становился местной достопримечательностью. Ко мне тянулись. В меня влюблялись. Со мной делились самым большим и самым интимным, я превратился в немую копилку чужих эротических и медицинских секретов.

Но слишком быстро понял, что сторонние откровения о гормональных инъекциях, фаллопластике и мастэктомии не приносят мне ничего, кроме бессильной зависти и боли. А бесчисленные интернет-влюблённости сродни детской дворовой игре «в магазин»: позвала мама домой – и конфеты вновь стали щёбёнкой, а деньги – кленовыми листочками. Всё ложь, всё виртуальный морок. Реально только одиночество.

Бедность и трусость – вот два источника, вот две составляющих моего теперешнего равнодушия к своему телу и статусу человека с двойным дном. Бедность, трусость и время. Они объединились против меня и в итоге победили. Меня заманили иные сетевые закоулки, где не было места ни эротике, ни медицине. Я растерял старых гей- и транс-френдов и сам растворился в цифровом тумане да отрывочном, бессистемном, под себя обмятом буддизме, которому совершенно пофигу, в каком теле ты рождён и на чьи зады украдкой заглядываешься.

Элен была не такой. Вместе с мужским телом она получила и мужское упорство. «Везёт тому, кто сам себя везёт», – эту фразу из нашей давней переписки я помню всю жизнь. Ей было уже далеко за тридцать, когда она стукнула кулаком по столу и начала долгий путь к себе – от химерного Александра, хозяина автомастерской, к настоящей Элен, владелице салона красоты.

Единственное, с чем она не смогла справиться, – голос. «Это очень дорого. Дороже и сложнее всех остальных операций», – писала мне когда-то Элен. Но и со своим тенором, из которого так и не удалось вытянуть контральто, Элен была прекрасна и в своём роде совершенна.

Как мне хотелось встретить её двенадцать лет назад! Но тогдашняя Элен (ещё не совсем Элен) была как никогда осторожна с новыми знакомствами. И уж, конечно, меньше всего нуждалась в таком нелепом собеседнике, как я. Виртуальным болтуном я был хорош. Но, едва встретившись в реале, тут же стал бы мямлить и смущаться.

Однако я всё равно шлялся иногда по тому району, где жила Элен – заведомо напрасно. А потом встречал её в беспокойных и грустных снах, полных темноты и абсурдных вывертов архитектуры, когда уличное перемешано с комнатным, как на картинах Яцека Йерки.

В то время я заметил за собою одну странную, увлекательную вещь: закрыв глаза и совершенно отпустив сознание, я следовал за словами и образами в голове, и они приводили меня в весьма интересные места. В этих блужданиях я теребил свою *пред-память*. Тогда, двенадцать лет назад, когда я с невыносимой остротой ощутил своё двойное дно (ага, будто бы я прежде его не ощущал!), меня замучил вопрос: откуда это всё и почему.

Я взялся рассуждать с конца: если в этой жизни я засунут в неприятное мне грудасто-бедрастое тело, значит, это кармический отыгрыш чего-то совершенно обратного. Будем же отталкиваться от нынешних признаков и восстанавливать ТОГО человека.

Моя нынешняя любовь к слову и камню – явно оттуда. Хотя, наверное, и выглядит пародией на те, прежние занятия и увлечения. А этот стародавний ужас перед огнём? Стыдно сказать, но зажигать спички я научился лишь в тринадцать лет. Самым большим страхом детства был страх пожара. Я боялся заводского дыма на горизонте, если не видел трубы, откуда он лезет. Боялся туристических костров и особенно свечей...

Однажды я прилёг на диван *попутешествовать*. И почти сразу оказался в сумрачном казённом коридоре, выложенном белыми и чёрными плитками. В тот раз мне ничего больше не показали. Зато несколько дней спустя, уже принудительно вызвав перед глазами этот шахматный коридор, я оказался в большой аудитории. Над красно-коричневыми партами смазанно торчали презренные молодые головы. А я стоял перед ними на кафедре и тыкал указкой в чертёж какого-то форпоста.

Третье примечательное *путешествие* привело меня к крепостной стене, сложенной из старинного булыжника. Тянул туманы серый день – северный, приморский. Под ногами

– плотный от влаги песок и мёртвые, мокрые тростниковые стебли. Полуживой тростник махал метёлками слева от меня, а справа стоял *он*. Я не видел его. Просто знал, что *он* – рядом.

Кем же мы с ним были? Наверное, немцами или прибалтами. Мы пребывали на острове, в крепости, и каждый день громыхали начищенными сапогами по тому самому шахматному коридору... Насколько сильно мы были связаны друг другом? Не помню. Кажется, я был ему нужнее, чем он мне – он, не первый и не единственный, просто красавец, неглубокий знаток искусства и преподаватель чего-то сугубо невоенного.

Впрочем, вскоре я надолго отпустил от себя эту тему – как чуть позже отпустил поиски Элен и пустые мечты об апгрейде своей нынешней телесной оболочки. Можно сказать, я потерял интерес к самому себе. И бесстыдно, надолго занырнул в злющие компьютерные игры. Старина Квилп самозабвенно правил моим курсором – давил пикапами прохожих, истреблял из арбалета невинных лавочников и заливал напалмом городские улицы. Особенно нравилось ему прилюдно ссать, высаживать ногой стёкла и, конечно же, взрывать машины. Ради этого мы с ним по многу раз возвращались в одну и ту же локацию, где квест был давным-давно выполнен.

А Нелли – в перерывах между нашими с Квилпом забавами – трудилась над моими рекламочками. Она прилежно писала о русском фарфоре, выборе подвесных потолков, тюнинге иномарок и новогодних подарках. Платили ей призрачными виртуальными фартигами и при этом нередко обижали.

...Из молла мы с Элен вышли давними приятелями. Обменялись телефонами, и я сказал, что непременно найду её в Интернете. Правда, тут же выяснилось, что Элен живёт в полузакрытой страничке на ресурсе, который я на дух не выношу, а «Вконтакте» её нет. Ничего, созвонимся. И, может быть, однажды побываем друг у друга в гостях.

Гость в моём доме – явление исключительное. Примерно как и я сам в качестве гостя. Но Элен – особый случай и совершенно другое дело. Ради неё я даже вымою окна и вытрясу половичок.

Моя квартира очень мне соответствует. Там мало места и, как следствие, мало лишних вещей. Квартира просто вытесняет лишние вещи, у неё быстрый метаболизм – как и у меня. Посему мы с моей конуркой вот уже который год пребываем в одной поре: не захламляемся и не толстеем. Правда, у меня на лбу давно уже морщина, а на потолке в комнате – трещина. Но соответствовать так соответствовать.

Мой старый комп, мой кормилец и единственный друг... Ты заменяешь мне телевизор и окно. Не на что смотреть в нынешнем телевизоре, не на что смотреть в моём окне – там лишь чужие окна и продуктовая вывеска. Поэтому они всегда скрыты за белыми рёбрышками жалюзи. А я скрыт в моём компе.

Да, не сказал: в тот светленький, совершенно зрелый весенний вечер я принёс домой две некупленные вещи.

Мокрый потрёпанный «Гамлет» дожидался меня возле дворовой помойки. «Забери его», – жалобно шепнула Нелли Трент. «А нафига он тебе? Ты же всё равно не будешь его читать», – прогундосил мистер Квилп. Я никогда не зачитывался Шекспиром, но всё же послушался Нелли. К тому же, собственного «Гамлета» у меня не было.

А потом мистер Квилп криво наподдал ногой по красноватому камню на краю грубо подсыпанной гравием дороги. Яшма? В наших краях, ископаемая щедрость которых воспета не в одной бравурной строке, дороги нередко подсыпают недорогими самоцветами. Я поднял камушек, и он мне понравился. Дома я продырявил стену над компом, вогнал в неё дюбель и подвесил найдёныша на чёрном шнурке.

«Это будет на память о встрече с Элен», – молвила Нелли Трент и заботливо повернула яшмочку более красивым боком, где косо тянулась белая жилка.

«О *первой и последней* встрече, – не замедлил встрять мистер Квилп и ковырнул жёлтым ногтем между жёлтыми зубами. – Тебе же с ней совершенно не о чем говорить. Она снова будет вспоминать свои гормоны и операции, свой замечательный салон, поездки в Москву и за границу – ты соскучишься первым. А по ходу будешь мямлить и кукуиться, ведь в твоей никчёмной жизни ничего не происходит. И никогда ничего не произойдёт».

Я пустил шлёпанцем в гадкого карлика, включил компьютер и привычно обещал Нелли не засиживаться.

...Чёрта с два. Я лёг спать в восьмом часу. Утра, разумеется. Где меня носило, с кем болтало по сетям – уже и не вспомнить. Столичные площадные новости текли удушливым потоком, и мне становилось тошно до слёз, однако оторваться я не мог. Нелли давно махнула на меня рукой, а мистер Квилп радостно сучил грязными ногами, сидя верхом на комод и злорадно гнуса привычные гадости в адрес моих Креативных Сограждан, у которых *опять не получилось*: «Фейсбучники-инстаграмщики, анемичная диванная гвардия!» Я хлопнул мистера Квилпа по коленке: «Ты прав, старина. Вырубай машину и пошли спать».

«Э, э, куда так рано?! Ты ведь ещё в торренты не лазил! Вытяни оттуда что-нибудь свеженькое, неигранное... Давно я мечтаю ограбить банк и пострелять копов!»

«Хрен тебе, а не банк. Достали твои стрелялки!»

Я не пошёл в торренты. Но и спать не пошёл. Меня потащило по блогам путешественников. И вот в одном таком пижонском журнале я наткнулся на тихий европейский городок. Между панегириком тамошнему пиву и фотоотчётом о колбасном празднике я увидел старинный плац, крепостную стену и сизый морской горизонт...

«Недурное местечко... Узнаёшь? – прохрипел мистер Квилп, тыкая когтем в монитор. – Очень подходящее местечко для почётной ссылки непутёвого наследника старинного рода. Сейчас там музей... А сто лет назад была военная школа. Ты был образованным негодяем. И покровители у тебя были хорошие. Иначе вместо учительской кафедры тебе, как знать, досталась бы тюремная камера. Бедняжка Элен...»

«Элен?! Причём здесь Элен?»

Мистер Квилп картинно воздел заскорузлые лапы и продолжил свой скрипучий монолог: «Бедняжка Элен... Ну, тогда-то её звали иначе, но это мелочи... Послали же ей небеса такого братца, как ты. Из-за тебя её жизнь превратилась в заунывный кошмар. Ты расстроил её свадьбу... Наделал долгов... Боже, боже, с какими гнусными субъектами ты путался, в какие грязные истории влипал! Но у тебя была благообразная рожа и хорошо подвешенный язык. Таким всегда неоправданно везёт... до какого-то момента».

Я скроллил чужие картинки, и ноги мои холодели. Когда мелькнул шахматный коридор, я почти не удивился. И вновь вернулся на два экрана назад, к крепостной стене.

«Вот тут ты его и убил», – довольно булькнул мистер Квилп и оскалил редкие зубы.

«Кого?!»

«Своего сослуживца. И последнего любовника».

«Это был несчастный случай! – молящим голоском вскрикнула Нелли. – Несчастный случай на стрельбах. Они развлекались, били по тарелочкам. И там была даже не пуля...»

«Не пуля, – подтвердил мистер Квилп. – Там был камешек. Пуля попала в стену и выбила его. Но до чего удачно выбила! Молодому дураку прилетело прямо в висок. Ну, он, конечно, сам виноват, нечего было стоять не в том месте. Но главного это не отменяет: убийцей был ты! И не нашлось никого, кто это опровергнул. Не надо вам было уединяться в безлюдье с револьверами. Началось длинное тягостное разбирательство. Естественно, тебе тут же отказали от места, а потом... Сказать, что было потом?»

Нелли заплакала и съежилась в комочек. Мистер Квилп в ораторском упоении мотался по комнате, гадостно лыбился, и заткнуть его было невозможно: «Опозоренный, полунищий, в грязном воротничке, ты вернулся однажды в свою квартиру на убогом чердаке – изрядно

на рогах. Пьяными руками зажёт свечу... А рядом с криво поставленной свечой лежала книжечка».

«Только не говори, что это был “Гамлет”», – прорычал я.

«Нет, не «Гамлет». В принца датского ты был безнадежно влюблен в отрочестве, и потом никогда к нему не возвращался. Нет, в тот расчудесный вечер на твоём столике лежал пошлый переводной роман про тайну герцогини. Ты втихаря жрал такое чтиво кубометрами...» – глазки мистера Квилпа сладенько заблестели.

Я ждал развязки, хоть и знал, к чему всё клонится.

«Так вот, – продолжал мистер Квилп. – Ты был достаточно пьян, чтобы прохлопать возгорание тайны герцогини. Но уже достаточно трезв к тому занимательному моменту, когда весь твой чердачок захватил огонь. И бежать некуда – разве что сигануть в окошко, разгрохать череп об мостовую. Ты всё, всё понимал и всё, всё чувствовал...»

С мерзкой физиономии карлика не сходили гримасы одна другой сладострастнее.

«Прежде чем задохнуться, ты загорелся. Горящая штора подпалила тебе волосы... Ты катался по полу, верещал, звал на помощь... Но никто тебя не слышал и никто к тебе не успел. Интересно, что чувствует человек, в полном сознании сгорая заживо, а, Нелли? Наверное, это очень, очень больно и неприятно! Сдирать с себя одежду вместе с кожей... Обонять вонь собственного палёного мяса... И понимать, что выхода нет! Никто и ничто не спасёт! Вряд ли это состояние длилось долго, но эти минуты были самыми длинными в твоей жизни. А когда всё наконец-то закончилось и болевой шок выбросил тебя в бушующий тоннель, ты долго не мог принять это и смириться. Ты влетел в гудящий ад, встретил там всех своих чудовищ, и не было никого, кто бы тебя защитил и утешил. Потом был суд... По его итогам карма швырнула тебя в тело жалкой девчонки – и ты стал именно тем, что так высокомерно высмеивал в прежней жизни. А по инерции протащил некие склонности из прошлого, совершенно неуместные и невоплощаемые в этом слабом, несуразном теле. И в этих жидких эстрогеновых мозгах. Поэтому – мой тебе дружеский совет: не презирай беременных попрошаек и маленьких шлюх, сэкономивших на презервативе. Иначе в следующей жизни станешь глупым отцом большого, истеричного и вечно голодного семейства. Или многодетной вдовой, что во сто раз хуже».

«Никого никогда не презирай, – всхлинула Нелли. – И не думай про мыло с верёвкой. Доживи до старости как есть. Точнее, до болезни... Тебе ведь недолго осталось, каких-нибудь лет пятнадцать. Хочешь, мы уедем с тобой умирать в Бурятию? В дацане тебя проведут как надо. Ты уйдёшь спокойно, без мыслей и страстей. Нирвана тебе, конечно, не светит, но ты возродишься в Чистых Землях».

«А в дацане есть фуд-корт?» – хохотнул мистер Квилп.

«Фуд-корт – не самая страшная привычка, – вступилась Нелли и погладила меня по плечу. – Да и часто ли он там появляется? Много ли съедает этой своей «маргариты»? Он умеет отказываться от лишнего. И вообще: не так много радостей у него в жизни. Посмотри, он ведь живёт монахом, давным-давно разлюбил порносайты и совсем не зарится на парней».

«Это они на него не зарятся», – пробурчал мистер Квилп.

«Но знаешь, в одном он, наверное, прав... – продолжала Нелли, кивнув на Квилпа. – Тебе не стоит видеться с Элен. Вы слишком разные. И не можете дать друг другу ничего. Только жалость с одной стороны и зависть с другой. А ты и так слишком много завидовал в своей жизни».

«Да-а, а уж сколько раз он себя жалел... – закатил глаза мистер Квилп. – Это не человек, это какая-то сентиментальная эгоистичная медуза. Но что-то я с вами засиделся. А идиоту ещё дописывать рекламу. Дедлайн, дедлайн – Ксюшегришенька маст дай!»

Я выключил компьютер и улёгся поспать. Нелли села в уголок додумывать статью про чудодейственные свойства шарлатанских травяных бальзамов – чтобы надиктовать мне, когда я проснусь. Мистер Квилп залез в платяной шкаф, и вскоре оттуда раздался противный повизгивающий храп. За жестяными оконными рёбрышками распускался невзрачный мартовский день, отягощённый снегопадом. Белая скука падала с неба, сводя на нет все вечерашние старания солнца и тёплого ветра.

7 марта 2015 года.

Зелёная пуговица (история мёртвого дворника)

Лесом или лугом? В первом случае имеем извилистую, утоптанную санаторскую тропу, во втором – просто направление. Наискось, через травы. Естественно, так короче.

Я сошёл с убитого, остаточного деревенского асфальта и шагнул в клевер. Перед рассветом здесь пронёсся обильный, скорый и отходчивый июльский дождь. А сейчас сквозанул тёплый ветер и потащил сизые ночные тучи куда-то за озеро. Глянуло в вышине пятно первозданной синевы, косо потянулись лучи, и клеверное море вспыхнуло мокрыми искрами. Мои кеды сразу же дали течь. Нет уж, не через луг. На фига мне сырые носки?

Я вернулся на просёлок и однозначно свернул в лес. Что, в сущности, теряю? Да ничего. Первый утренний автобус я уже прошёлкал, следующий придёт часа через два. До трассы ходу минут двадцать, не больше. И зачем, спрашивается, спешить? По-любому ведь придётся убивать время на автостанции. Вперёд-вперёд, быстрее-быстрее – трижды ничёмная привычка горожанина. Здесь ведь не город. Здесь – маленькое сельское путешествие, бонус к рутинному корреспондентскому делу. Поговорил вчера в деревне с нужным фермером, записал-сфоткал, переночевал в доме героя своего будущего очерка – теперь свободен. Сбей ногу, подыми рыло, посмотри на сосны впереди. Они такие чистые, такие ровные. И так пахнут.

Дорожка подруливала к санаторию. Под ногами всё чаще попадались бутылки, обёртки и прочее стекляннопластиковое говно. А полувековые сосны росли вокруг идиотскими искусственными рядами – при совке всех и всё, даже деревья, норовили построить непременно солдатским каре или шеренгой и, по возможности, заставить маршировать.

Куда это я забрёл? И выйду ли я к трассе, не упрусь ли в какой-нибудь санаторский забор, если ломану дальше тем же путём? Спросить не у кого. Лес вокруг марширует безмолвно. Только невидимые пернатые твари вызванивают над головой нестроевые песни.

Хотя... Что это, галюнится мне? Нет, не галюнится: метрах в двадцати на поваленном сосновом стволе действительно сидит какой-то мужик. И у мужика проблема: левая штанина подвёрнута, мохнатая голень вся в крови. Мужик смотрит на свою голень как на посторонний предмет, с которым надо что-то делать, а что – непонятно.

– День добрый. Что-то случилось?

– Да ничего особенного. Один человек бросил бутылку, второй её разбил, а третий, как видите, об неё споткнулся... И ведь даже платка с собой нет!

Больше года в боковом кармане моего рюкзака тёрлись-плющились бинт и вата. Хорошо, что не вытащил. О, да тут ещё перекись и спасательная мазь в тубике. Я, оказывается, запасливый хомяк.

Наклонился, рассмотрел рану. Да, крепко же дядька саданулся. Прямо скажем, от души. Отхватил я бинта пощедрей, выдавил мази, приложил-замотал – вроде крепко, не слетит.

Дядька покрутил узловатыми ладонями, изгвазданными в чёрной лесной грязи и засохшей кровице:

– Простите, пожалуйста, у вас не найдётся воды?

Конечно, найдётся. Незнакомец прополоскался под моей минералкой – тщательно так, неспешно, будто лилась она нескончаемо из-под волшебного крана, а не из моей личной бутылки. Это меня слегка напрягло, но виду я, само собою, не подал.

Собственно, мужик этот мне всё больше не нравился. Было в нём что-то... Не скажу, что явно отталкивающее, но какое-то неправильное. Несоосное какое-то. Не то слишком короткие были на нём штаны (а носки под ними сморщенные), не то интонации были какие-то нарочитые. Да, и, собственно, лицо. Крючковато-заострённое какое-то, загорелое – но не местным красноватым плебейским загаром, а нездешним, южным-пляжным. Знаете, на кого он был похож? На некрасивого итальянца, на эдакого потасканного Челентано.

Когда он наконец намылся и потряс в воздухе мокрыми лапами, я поспешил завернуть пробку и спрятать остатки воды. Денег у меня было чуть больше чем на билет, и покупать ещё одну воду было бы мотовством.

– Молодой человек, вы меня букв-вально спасли. Но как же мне вас отблагодарить? Денег я вам не дам, деньги это ерунда... А вот это – *не ерунда*.

Тут дядька полез к себе за пазуху, сильно там дёрнул и протянул мне маленькую зелёную пуговицу.

Я коротко и сухо кивнул, без разговоров сунул пуговицу в карман и быстренько вздел рюкзак. Смыться, смыться как можно скорее, на ходу стряхивая с себя осадок от этого дурацкого диалога.

– Молодой человек! Погодите немного!

Ну, что ещё? «Никогда не разговаривайте с неизвестными»... Но что-то заставило меня остановиться и вновь посмотреть на этого психа. Псих уже развернул-одёрнул свою изодранную штанину и встал с бревна. Блин, только бы следом не похромал.

– Молодой человек, ещё букв-вально минута. Если вы пойдёте куда шли, то к трассе не выйдете. После развилки возьмите правее... Это раз. И вот ещё два. Я только что подарил вам... одно ваше желание. Самое предосудительное и самое вздорное ваше желание. Вы о нём можете даже не догадываться, но оно у вас точно есть. И оно однажды исполнится... Не сразу. Но однажды – пх-х-х! – и вы поймёте, что оно исполнилось.

Он даже не хихикнул, а как-то хрюкнул, отчего сделался ещё гаже, и как-то шулерски-водевильно покрутил на уровне моего носа своими беспокойными пальцами. Я торопливо отмахнул дружелюбного «досвиданьица» и почти побежал через лес.

Советом психа насчёт развилки я пренебрёг. И, как выяснилось, зря. Я ухитрился заблудиться в искусственном сосняке и вместо трассы убрёл-таки в санаторий. Впрочем, это меня не сильно расстроило: времени до автобуса по-прежнему было больше часа. Сел на скамейку возле грубо размалёванного щита с оленями, похожими на крокодилов, и призывами беречь лес от огня. Снял рюкзак. Где там у меня вода? Не всё же я на раненого психа извёл, должно же оставаться хоть два-три глотка. Вынул бутылку – и вот прикол: она оказалась почти полной. Но я тут же перестал об этом думать – как перестают думать обо всех мелких необъяснимостях.

Я вернулся в город и зажил своей обычной жизнью. Не знаю, как у вас, но у меня «обычная жизнь» была мерзкой и с каждым днём становилась только мерзее. Сперва полетел комп, мой единственный настоящий друг (если не считать кота Максима). Потом накрылась моя последняя шабашка. Слюнявую корпоративную газетку, куда я периодически пописывал, прибрал холодный злой бог Кризис. Редактор перестал отвечать на мои звонки и вскоре вовсе исчез из города. Я понял, что никогда больше не увижу этого продувного жирного козла. По козлу я шибко не скучал, но вот по семи тысячам, что он остался мне должен, тосковал горько. К тому же, я лишился единственного источника сколько-нибудь регулярного дохода.

Мать подкидывала мне денег с получек – чтобы я как можно скорее почувствовал себя последней мразью и взялся за ум. Мразью я себя чувствовал, но за ум не брался. Ум, наверное, у меня был, но ручек у него не было, не за что было браться.

В один прекрасный день мне пришла гнусная бумажка с лаконичными угрозами от городских электросетей. Ну, и прочие коммунальные счета тоже никто не отменял. Словом, надвигалась жопа. Я обошёл все сраные газеты в моём трижды сраном городишке, стремясь продать своё не слишком бойкое перо, но нигде мне не были рады. Ни одна гнида за всю мою жизнь ни разу не сказала мне, что я хреново пишу. Я действительно никогда не писал хреново. Но у бога Кризиса были, видно, какие-то свои особые счёты с великовозрастными гуманитариями из богоспасаемой российской провинции. И я огребал по полной – за себя и за всё моё никчёмное унылое племя.

Единственные джинсы замахрились внизу до состояния корпии, кепке сравнялся пятый год. Медленно, но верно я превращался в драное угрёбище. А встречают у нас по одежке. И уж коли я на что-то претендовал, то просто обязан был ежели не излучать сраный успех, то хотя бы симулировать успешность, иначе быть мне слитым в девятнадцатимиллионную армию российских нищих. По-хорошему, мне нужен был небольшой кредит – на какие-нибудь шмотки. Я уж не говорю про смартфон. Но безработным кредитов не дают.

Максик смотрел на меня зелёными марсианскими глазами и давал понять, что одноразовое питание такому хорошему коту никак не подходит. В октябре я понял, что больше так продолжаться не может. Внутренне извиваясь, попросил у матери пятьсот рублей, поучаствовал в суетной клоунаде, именуемой медосмотром, и в три дня трудоустроился в первый попавшийся ЖЭУ. Кем? А вы как думаете? Дворником, конечно. Дворники всегда нужны – скверно одетые, безграмотные, с лёгким клиническим прибабахом в голове – да какие угодно. От дворника требуется лишь посильная трезвость и умение вставать в семь утра.

Первое давалось мне без труда. Второе – с грехом пополам. Но, схватив первый штраф за опоздание, я всё же вынужден был подчиниться дрессировке. Кошка под хвостом и горчицу лижет. Понятное дело, добровольно и с песней.

Квартальчик мне достался тихий, двухэтажный, с берёзами и сиренью. Скоро я научился вязать мётлы из карагача, обкусывать садовыми ножницами тонкие кленовые поросли и выносить крупногабаритный чужой хлам из подвалов и чердаков, дыша пылью с голубиным дерьмом пополам.

Стояло прощальное осеннее тепло – сухое, янтарное, подёрнутое летучей паутиной. Я продирали граблями палисадники, сгребал в кучи шумную листву и вывозил её со двора в большой картонной коробке, найденной возле помойки. А чтобы совсем не отупеть, читал себе на память стихи Саши Чёрного. Я был безукоризненно вежлив со всеми вокруг и как никогда следил за речью. Первым делом узнал отчества всех наших пожилых дворничих и подъездных уборщиц. Меня воротило с привычки нашей директрисы, свежей сорокалетней бабы с педагогическим голосом, говорить всем подчинённым «ты» и называть «девочками» даже тех, кто годился ей в матери.

Скоро меня прозвали «самым интелли-гентным дворником на свете». Бабушки у подъездов любили поплакаться в мою оранжевую жилетку на дороговизну и соседей-пьяниц, мамы с колясками и собачники первыми здоровались со мною. Обласканный нехитрой квартальной любовью, я был кроток и светел, как буддистский святой. В сущности, я ведь неплохой парень. Люблю всё хорошее и ненавижу всё плохое. Покупаю еду бездомным кошкам, когда заводится лишняя копейка. Подписываю правозащитные петиции в Интернете, а вчера вот помог старушке дотащить до помойки ведро.

Тихо было на душе, я бы даже сказал – благостно. Бывают такие моменты, когда кажешься себе безукоризненно-прозрачным, как промытый с содой стакан, и аж поскрипываешь от собственной чистоты. Неужели в такой душе могут быть подвалы и чердаки, наполненные грязью с птичьим дерьмом пополам?

Я травил себя, а лучше сказать – развлекал себя подобными мыслишками, шуруя карагачёвым веником возле мусорных баков. Конечно, всё это была самовлюблённая хрень и

маскарадный самообман. Я не святой, не бодхисатва, воплотившийся в худого очкастого дворника, чтобы сделать мир чище. Я не выбирал себе нынешней аскезы и никогда бы её не выбрал, будь у моего ума хоть какие-нибудь ручки. Я хотел бы жить вкусно, хотел бы получить однажды Всё-и-Сразу в самом меркантильном, самом мешанском смысле этого слова. Я люблю спать и ненавижу работать. Особенно руками. Но, поскольку во Всё-и-Сразу я не верю, то вот и гребу эти бесконечные листья, чтобы заработать на кофе себе и на куриные шеи Максусу.

Как-то мне вспомнился летний загородный эпизод – тот самый, с травмированным мужиком. Конечно, мужик был обыкновенный сумасшедший – в том не было никаких сомнений. Но если продолжать развлекаться – ну, как если бы я сочинял рассказ или что-то вроде того, – из этого инцидента можно было бы вытянуть интригу. «Предосудительное и вздорное желание»... Хм. В чём же оно может состоять? И я начал рыться в себе, максимально отстраняясь и трезво обобщая – или думая, что отстраняюсь и обобщаю.

Что же во мне скрыто такого, в чём я боюсь себе признаться?

Давно у меня не было женщины. Но об этом я совершенно не скорбел. Женщина в моём бедственном положении – это... Ну, додумайте что-нибудь сами, у вас наверняка получится лучше, чем у меня. Периодически возникающую похоть я утолял самостоятельно, предаваясь одинокому стерильному разврату за интернет-порнухой (о, мой бедный комп!). Может, я латентный гей?

В юности я был по умолчанию гомофобом, напитанным (а, точнее, измазанным) несложными предрассудками. Потом как-то познакомился в Сети с двумя лесбиянками. Они оказались чудесными весёлыми девчонками – и я впервые устыдился своей гомофобии. С подачи девчонок прочёл про Стоунволл и заложил себе статью про Харви Милка, написанную, кстати, женатым натуралом и отцом двух детей – тоже, как и я, вчерашним гомофобом, а ныне завсегдатаем правозащитных пикетов. Но всё-таки: одно дело не быть гомофобом и совсем другое – быть геем. Или хотя бы бисексуалом. Это для меня и вздорно, и предосудительно. Нет, традиционалистские координаты здесь ни при чём. Просто любовь мужчин требует от тебя красоты и хорошего вкуса. А я с рождения лишён был первого, второй не мог проявить из-за безденежья.

Так что же?

Дома я залез в Сеть (благо, компа к тому времени я уже починил и помирился с провайдером), вбил в Гугле слово «гей». Передо мною тут же выкатился целый ковёр из фоток с накачанными парнями, каких не бывает в природе. Я скользил глазами по чужим голым задкам, напряжённым членам, мускулистым спинам. Но ничего во мне не отзывалось. Чужие тела вызывали только одно желание: достать из-под шкафа пыльные гантели и привести в порядок собственные бицепсы. Давненько я этого не делал, совсем себя запустил. А вот этот качок на фотке покрыт мастикой, как культурист на сцене. Да, он аппетитный... в своём роде. Как копчёное мясо.

А что, если... Что, если моё пресловутое скрытое желание – всего лишь поесть мяса? Что, если в тайне от себя самого мне тупо хочется навернуть копчёной говядины? И грош тогда цена моему неофитскому вегетарианству.

Вегетарианцем я стал примерно с год назад – не по бедности, а после того, как нечаянно набрёл в Сети на сайт каких-то упёртых зоозащитников. Собственно говоря, я никогда не сходил с ума по зоозащите, но не сходил с ума и по убоине. Большая часть предназначенных мне школьных котлет отправлялась в ведро с объедками (благо, никто не контролировал, чтобы я их ел). А тут вдруг посмотрел чудовищное видео: что делают с животной на бойнях и птицефабриках. В общем, без лишних слов я понял, что мне совершенно не хочется поддерживать это палачество. И это не будет мне стоить ровным счётом ничего.

Так значит – всего лишь мясо? Закрыв гейские фотки, я полез на сайты с мясными рецептами и долго провоцировал себя, созерцая ростбифы, шашлыки и куриные ножки. И вновь ничего во мне не отозвалось. Разве что жарёной картошки захотелось.

А может, всё ещё смешнее? Ну, допустим, взрывается дом, меня заваливает. Я лежу под обломками без малейшей надежды на освобождение, с раздробленными ногами, вдыхаю последние литры кислорода и смертельно, смертельно хочу... курить. Рядом, седой от бетонной пыли, распластался какой-нибудь труп. И вот я со стоном лезу к нему в карман и обнаруживаю там спички и растерзанную коробку с одинокой, распоследней во Вселенной сигаретой. О чудо. Вот так, дымящим мародёром, и подыхаю.

Желание курить и предосудительно, и вздорно. Но ведь я его от себя не скрываю. Я просто курю, высаживая по пачке в день.

А если всё-таки моё желание – женщина? Признаюсь, я люблю совершенно особенный сорт порнухи. Даже не порнухи, а... В общем, японцы называют ЭТО шибари. Ну, вот это уже похоже на правду: я был бы очень не против повстречать однажды живую, а не виртуальную женщину, которая не станет возражать против ЭТОГО. Если вдуматься, в шибари, конечно, тоже нет ничего предосудительного. Вот разве что я разобью при этом чью-нибудь семью. Но хорош же из меня разоритель гнёзд, нечего сказать. Очкастый мачо в обтёрханных штанах.

Что-то я совсем заиклился. Надоело. Хватит сидеть в Сети: завтра опять подъём в семь утра, опять метла, опять грабли и сухой чай, который я тихонько жую для бодрости между сигаретами. А если я не успею вывезти все листья из всех своих палисадников, мне не закроют наряд и оставят без премии.

Какая тоска. Какое унижение. Мне почти тридцать лет! Скоро меня перестанут называть «молодым человеком» в трамваях и очередях. Кончится молодость и начнётся хрен знает что. Не исключено, что я начну плешиветь. У меня вырастет углеводное пузо – и это будет всё, что я нажил. Меня никто никогда не полюбит и не назовёт по отчеству. Я сдохну безвестным, уродливым лохом, кинутым всеми на свете. В принципе, неудачник не имеет права на жизнь. Повеситься, что ли? Шучу. На кого я брошу своего чёртова кота? Бедный Макс, повезло тебе с хозяином. Цени.

Назавтра шёл дождь. Я ворочал мокрые листья и тихо бесился. Мимо меня катились красивые машины с благополучными людьми, и ухоженные девушки стучали тонкими каблуками, обходя мои листовые кучи на тротуаре. Меня для них не существовало. Дворник – не человек. Это что-то среднее между роботом и ангелом. Дворник должен быть безотказным, как робот, и кротким, как ангел. Но кротости во мне последнее время сильно поубавилось. Особенно после того, как я обляял матом поганого подростка, пристроившегося поссать за мусорными баками.

Ближе к обеду в кармане зарингтонило. Это была моя мать.

– Миша, сегодня у Николая день рождения. Ты не забыл? Поздравь его, имей совесть.

Разумеется, я забыл. Я никогда не помню ничьих дней рождения, особенно родственников.

– Ма, ты ещё не говорила ему, где я теперь работаю? Вот и хорошо, не говори.

Николай, дядя Коля, был двоюродным братом моей матери. Года два назад я ездил к ним в гости – в старинный среднерусский город, чьё название звучит как глухой удар войлочной колотушки. В тот момент я почему-то решил, что смогу изменить собственную судьбу, поискать счастья подальше от моей новодельной лесостепной родины, где я съел столько говна. Да и мать советовала. Собственно, изначально это была именно её затея. И вот, поручив Макса заботам соседки-кошатницы, я отбыл на разведку: вдруг срастётся с работой, а заодно и с жильём. Как должно было срастись – я понятия не имел.

Старинный губернский город отличался обилием качественной местной жратвы, идиллическими липовыми рощами и редкостным жлобством. Жлобом был мордатый губернатор, жлобами были все вокруг, не исключая... Впрочем, о моём дядюшке и его сыне, моём троюродном брате Олеге, я не хотел бы говорить ничего дурного и ничего дурного не скажу.

Они держали собственное производство стройматериалов и, скажем так, не бедствовали. Олег недавно женился и выстроил себе особнячок в местном вкусе – помесь коровника со сталинским горкомом. А дядя Коля с тётёй Тamarой вдвоём занимали трёхэтажный горкомкоровник с бильярдом, сауной и небольшим бассейном в подвале. Правда, бассейн у них не действовал: какие-то нелады со сливной системой, но до исправления руки не доходили.

Я поселился в этом раю на неделю. Меня, убогого неудачника, окружили благостями. Тётка всё время говорила со мною по душам, бесхитростно делясь маленькими постыдными секретами своих знакомых. Все они – от богачек-соседей до уборщицы в офисе её мужа – были живы-здоровы исключительно благодаря тёткиной доброте, сметливости и житейской мудрости. Во всяком случае, именно такой вывод мне следовало сделать из тёткиных открытий.

Нисколько не сомневаюсь, что сам я давал ей точно такую же пищу для разговоров по душам с этими же самыми соседками. Я сам и, конечно же, «бедная Ирина», моя мать. Тётка была жалостливой женщиной с превосходной памятью: жалея «бедную Ирину» – одинокую, несчастную, допустившую когда-то в юности досадную ошибку (в виде меня), тётка походя, но очень подробно перечисляла все когда-либо посланные «бедной Ирине» продуктовые и одёжные посылки. Слушая об этом, я на глазах становился лучше, и проникался всепроникающей проникновенной благодарностью. И, конечно, гордостью за тётку – жену предприимчивого мужа, мать предприимчивого сына, хозяйку прекрасного дома, где всё своевременно обновляется и не надо ничего перелицовывать и перетягивать. Надоело что-то, сломалось – просто выбросил и всё. Или отправил с оказией «бедной Ирине».

В их доме сервизов было больше, чем книг. В гостиной стояла широченная плазма, настроенная обычно на спорт или на канал ТНТ. Малый телек на кухне вещал голосом Кати Андреевой, а компьютером в доме просто не пользовались.

Каждый день приносил мне новые порции благостного внимания. То вручались мне какие-то штаны и рубашки (поношенные совсем чуть-чуть), то ставился мне в вину мой невеликий аппетит – дескать, стесняюсь, боюсь объесть, а отговорки про сытость – проявление типичного комплекса бедняка.

Сами они ели, по моим меркам, невообразимо много. Оба их холодильника были забиты до отказа, и до отказа же забивалось мусорное ведро – тем, что пропадало, не дожив до съедения. Когда они выезжали на рынок, то оставляли там сумму, вполне сопоставимую с дворничьей зарплатой.

По секрету скажу, что на тёткиных тучных харчах я заработал себе долгое несварение и уже тогда подумал, что с мясом хорошо бы попрощаться навсегда.

Та же мысль – тогда впервые в жизни – промелькнула и насчёт рыбы. Однажды я вышел на кухню и увидел, как тётка потрошит живых карасиков на уху. Я в пол-уха слушал деловитую и приветливую тёткину болтовню и вдруг увидел, как один из карасиков – уже испорченный, с выдранными жабрами, – мазнул хвостом по разделочной доске... Я что-то слабо вякнул. На это тётка, не выпуская кривого ножа, преспокойно заявила, что всё в порядке, у них же нет нервов и они ничего не чувствуют.

Да, уха была вкусной...

В тот день, помню, тётушка придумала меня женить. Великовозрастной холостой племянник – интересная игрушка, кто же спорит. Вот и завелись вокруг-да-окольные разговорчики о какой-то «хорошей девочке Ане с квартирой». Она, правда, разведёнка, не пошла в универ и не во всём красавица, но ведь и я не принц наследный. Юную студенточку с

модельными параметрами мне не потянуть, у них нынче запросы ого-го. А мордатая разведёнка с хрущёвочкой – хоть на первое время вещь незаменимая. Квартирку-то потом можно и оттягать. Главное – сразу прописаться.

С дядей мы уходили в бильярдную, rispetабельно прихлёбывали из пузатых стопок хороший коньячок и гоняли шары по сукну. Я, конечно, сливал партию за партией и откровенно маялся. Дядя же рассказывал, как у него всё замечательно схвачено в конторе, и между делом сватал мне работёнку. Под началом Олега. В плиточном цеху. За десять тысяч в месяц. Правда, отопления там нет и зимой там холодно, но я же смогу ходить греться в офис, ведь правда же? Чем нанимать «этих черножопых», не лучше ли порадовать дорогому родственнику? А десятки в месяц мне должно за глаза хватить. Я же не наследный принц, избавлен от обременяющих привычек пить «Хенесси» и носить часы по цене отечественного автомобиля.

Вообще, дядя Коля и тётя Тамара были очень талантливыми людьми. Они с бесподобной ловкостью раскладывали людей по сортам и наклеивали на них ценники. А потом, сообразно ценникам, назначали, кому сколько достаточно денег для жизни и кому какие положены ништяки.

Раз в неделю в этот дом приходила девушка – убирать в комнатах. Однажды я нечаянно подслушал, как тётка ей что-то дарила. Типа, возьми юбку, Алиночка, я в неё *не влазию*, а ты у нас худенькая, что зря лежать-то будет. Алиночка смущённо бормотала, что ей юбка тоже, наверное, не подойдёт, и не лучше ли отдать её Наташе (тёткиной невестке)? На это тётка с досадливой заботой заохала: мол, там у нас такая Наташа – ей юбка не юбка, лифчик не лифчик – «наша Наташа цену себе знает».

Не знаю, осознала ли Алиночка всю суть последней фразы или счастливо сбросила её мимо ушей, но юбку всё же взяла и пошла дальше – мыть квартиры других богатых соседей... Алиночка не знала себе цены, а тётя Тамара её цену знала.

Спасаясь от перспективы быть трудоустроенным в холодный цех под начало двадцатитрёхлетнего кузена, я бегал по городу и искал себе работы в редакциях. Разумеется, ничего подходящего не находил. А если честно, то искал уже так, чтобы точно не найти. Жлобский городок наводил на меня тоску. Не спасали его даже липовые рощи и тюльпановые поля возле администрации и городского суда. Сначала я собирался погостить там дней пятнадцать, но в итоге смылся пораньше, удачно «позабыв» мешок с дарёными обносками в дядином шифоньере.

Знаете, что я думаю? С богатыми родственниками просто не нужно иметь никаких дел. Это вредно для души и для мозга. Собственно говоря, от любой родни вообще лучше держаться как можно дальше. Но от богатой – особенно. Как от высоковольтной ЛЭПки. Это не потому, что они плохие, а потому, что отчаянно плохой ты. Ведь в какой-то момент ты начинаешь растлевать сам себя. Нет, дело не в зависти. Зависти как таковой может и вовсе не быть. Ты можешь просто тихо презирать этот неглохнувший Первый канал, эту вечную «Комсомольскую правду» по диванам, этот шансонный бум-бум в джипе. Но в какой-то момент ты, даже незаметно для себя, начинаешь на кого-то рассчитывать. Верить обещаниям, строить с их подачи планы на будущее – а планам этим цена копейка и три фантика. Ведь одно дело подлить тебе жирного борща да поделиться с тобой чужими семейными секретами и совсем другое – позвонить полезным знакомым и предложить им пресс-секретаря или редактора корпоративного журнала.

В общем, если вам от меня нужен мудрый совет: бегите от благодетелей зигзагами. Это продолжение другого мудрого совета: ничего и никогда не берите взаймы. Надеюсь дожить до того дня, когда сам смогу воспользоваться этой мудростью...

Кстати, дядю Колю с его днём рождения я тогда так и не поздравил. Сослался матери на нулевой баланс (и это было, к сожалению, не враньё).

Бедность – в сущности, калечащая хроническая болезнь. От неё сохнет и трескается душа, притупляются чувства. Ты становишься похож на обветренную руку с неистребимой грязью под ногтями. И руку эту сводит хронической судорогой. Когда-то мой друг, Серёжа-философ, за кружкой скверного кофе показательно доказал мне теорему о счастливом бомже и несчастном цивиле – этой теоремой Серёжа развлекал своих студентов. Знаете, она из разряда тех парадоксальных задачек про «вес слона равен весу комара». Только в случае со слоном нужно решать какое-то мошенническое алгебраическое уравнение, а в случае с бомжом – рисовать отрезки от одной точки до другой. Одна точка – потребность. Другая – удовлетворение потребности, то есть момент счастья. Дальше опять пара точек, два конца отрезка: потребность-удовлетворение. И так *ad libitum*.

Так вот, по Серёже-философу наглядно получалось, что условный бомж определённо счастливее условного цивила. Вся фишка в характере потребностей и, следовательно, скорости их удовлетворения. Ведь чего хочет средневзятый цивил? Хорошую работу. Жильё. Машину. Какое-нибудь кресло какого-нибудь начальника. Что-то скопить, чему-то научиться, куда-то съездить – ну, вы уже поняли и приложили к себе. На реализацию этих желаний уходит от нескольких недель до нескольких лет, и всё это время ваши неудовлетворённые потребности зудят не умолкая, превращая жизнь в утомительную череду стайерских забегов.

А бомж – он спринтер. Даже не спринтер, о чём я? Бомж вообще никуда не бежит, а мерно шагает от одной точки отрезка до другой. И отрезки эти не длиннее шага. Испытал потребность пожрать – тут же порылся в помойке за рестораном и что-нибудь надыбал. Счастье? Счастье. Захотел выпить – подсобрал жестяных банок, насшибал мелочи у прохожих и к вечеру благополучно отоварился в аптеке настойкой боярышника. Опять счастье. А сколько в жизни бомжа неожиданных подарков судьбы в виде выброшенных на помойку пуховиков и сапог, в виде незапертых по недосмотру подъездов, где можно тепло переночевать. Сыт, пьян, укутан, не выставлен на мороз – чего ещё желать? Вот и получается, что бомж всегда (или большую часть времени) теоретически счастлив.

Конечно, я тут же возразил Серёже-философу, что бомжи бывают разные. Вчерашние погорельцы, свежие жертвы риэлторов, замечтавшиеся дипломированные растяпы – да мало ли их, бывших людей, порывающихся вернуться к гражданской жизни? На что Серёжа резонно заметил, что имел в виду бомжа идеального, такого бомжа, который никем, кроме как бомжом, быть не может – хоть ты МГИМО ему проплати и в Газпром устрой. Всё просрёт и смоемся в подворотню, дожёвывая последний бутерброд с икрой. А наутро пойдёт шакалить по мусоркам. Есть ведь такие среди нас? Есть. Сколько угодно.

Поэтому и я теперь говорю: нищета лучше бедности и ноль лучше, чем ноль целых сколько-то там десятых. Так мы плавненько уходим в нехитрые аллегории и, кажется, подплываем к буддизму. Но кто я такой, чтобы рассуждать о буддизме?

Воплощённый в дворника, я постоянно взвешивал себя и постоянно находил себя лёгким. Таким лёгким, что скользил по миру и времени, не оставляя следов. Не было во мне ни мины, ни шекеля – одна призрачная дворничья шкурка, плёнка-выползок, внутри которой было то же, что и снаружи – медленная пустота.

Устав от всего, что было мне когда-то важно, я часто констатировал свою пустоту со спокойствием метеоролога. Будь у меня хоть на пол-мины буддистской мудрости, я принял бы эту пустоту и пошёл бы её путём – чтобы однажды, через много-много линек, добиться от неё свечения. Осознанная последовательность – одна из самых красивых вещей на свете. Но в том-то и лажа, что я и с этой точки зрения безобразен. Вечно застаиваюсь где-нибудь посередине, желая сидеть одной и той же задницей на двух стульях, и в результате вечно оказываюсь на полу.

Благородное отсутствие желаний и подлинная бытовая невзыскательность чередовались во мне с мутной животной злостью из-за невозможности сформулировать свои желания и тоской по банальной добротности вещей. «Я уже ничего не хочу» звучало во мне на два голоса. Один голос был шелестом летящей шкурки. Второй – рыком на высоте истерики. Как уже было сказано, я хотел Всего-и-Сразу, словно сопляк в «Детском мире». Но, в отличие от сопляка, понимал, что вместо всех этих офигенных роботов, многометровых железных дорог и упоительных вертолётов с радиоуправлением получу на выходе лишь пару воздушных шаров.

А осень меж тем вкатывалась в зиму. Никогда прежде я не следил за погодой. Мне было вообще пофиг, на сколько там градусов укоротилась красная нить в стеклянной трубке за окном. Но теперь я мысленно готовил себя к снегу. Первый сильный снегопад (особенно, если он приходится на выходные) – это момент истины для дворника-первогодка. В этот момент дворник радикально задумывается о собственной жизни и мобилизуется. Если ещё не всё потеряно, он пускает свою паническую энергию на поиски Другого Места. Если же с дворником все кончено, то он достаёт из шкафа валенки и готовится идти на войну с белой нечистью.

С мыслями о снеге я уснул. Потом...

Что было потом? Снег. Лопаты. Скребок и пешня. Драгоценная радость выходных и мечта об отгулах.

Вуаля: скучные казённые лампы, коридор, кушетки. Сонная очередь. Поликлиника? Не-а. Я на станции переливания крови. Был тут сто лет назад, ещё студентом. Честно скажу: не понравилось. Но сегодня пришёл за парой отгулов. А в перспективе – за коммунальными льготами на почве почётного донорства. Мне сказали, что это ещё не отменили. Льготы стоят много крови, а значит – много времени. Плазму можно сдавать чаще. Значит, я буду сдавать плазму. Анализы из пальца я прошёл, очереди тут вроде бы движутся быстро. И тут открывается соседний кабинет. Белый халат выкрикивает мою фамилию, отрывисто зовёт.

В чём дело?

...Моя кровь не подходит. Я болен. И не просто болен, а... В общем, у меня ВИЧ и гепатит С. Ужас давит подушкой на рёбра, я каменею под холодными взглядами этих тёток... Сейчас они будут допрашивать меня насчёт половых связей и внутривенных наркотиков.

Но откуда? Откуда?!!

И тут я отчётливо вспоминаю марширующий сосняк и чужую распоротую ногу. И собственные руки, легкомысленно, преступно, идиотически вымазанные в чужой крови. И глубокую свежую царапину от консервной банки на моём большом пальце! Была, была тогда царапина. И её хватило, чтобы...

Оглушённый, вытрясенный до дна, я выпадаю на улицу. Мимо по ноябрьской каше скачут жёлтые газели. Как ясно я вижу эти жёлтые газели! В газелях люди. Такие же живые, как я. Но у них нет СПИДа и гепатита С.

Я подхожу к остановке и вижу подозрительно знакомую спину. Нет, я точно знаю, что это он! Сейчас обойду его, загляну в его вытянутую загорелую харю и скажу, что...

Но я не успеваю его обойти. Это он разворачивается ко мне, хромотает навстречу и протягивает руку к моему нагрудному карману. Всё происходит будто под водой, мои реакции не успевают за его движениями. Он достаёт у меня из кармана маленькую зелёную пуговицу. Как она сюда попала? Когда это я сунул её в карман этой куртки? Зачем таскал с собой? Он подмигивает, бросает пуговицу под ноги, и она исходит шипением в снежном месиве, словно кусок карбида.

– Актив-вировано! – и загорелая харя исчезает в толпе с ловкостью карманника.

Я не бросаюсь догонять. Мне становится всё ясно без объяснений, и банальная правда о моём самом сильном, самого предосудительном и вздорном желании раскрывается во всей роскоши своей парадоксальной логики.

Как же всё просто. Всю свою жизнь я подсознательно хотел умереть. Хотел, хоть и не осознавал того. Всё правильно: самые сильные, самые глубокие желания не стремятся быть осознанными. Они просто шевелятся в тебе глубоко и неуловимо, направляя и дирижируя.

Я не был создан для жизни. Много-много раз сама жизнь кидала мне подсказки. Когда-то я решил стать журналистом, наивно полагая, что моего умения связно и не без вычур излагать свои мысли будет вполне достаточно. Однако я не учёл, что жизнь журналиста на девяносто процентов состоит вовсе не из писанины, а из того, что претит самой моей природе – из общения с людьми. Четырнадцать лет я пытался научиться этому, полюбить это, а значит – сделать это лёгким. Я шёл до конца, растворялся в моих собеседниках и, как следствие, вёлся на все их уловки. Нет, никогда я не был журналистом. Я смотрел на мир глазами художника – а в глазах художника мир всегда схематичен, условен и смазан. Журналист должен действовать. Я же был создан не действовать, а созерцать. Моё место было всегда в левом верхнем углу – там, где ни букв, ни картинок, лишь пустое белое поле. Если бы я понял это раньше... Но я не понял. Не дал себе труда понять.

Я никогда не пытался покончить с собой. Десять тысяч убедительных причин самоубийства разбивались о пошлейшую физическую невозможность это сделать. Такой скотской тяги к жизни свет ещё не видывал. Я ненавидел боль и смертельно боялся удушья. У меня было выносливое жилистое тело, заряженное лет на девяносто. И с годами я становился только прочнее.

Но теперь всё. Я болен, и прочность моя будет убывать день ото дня. Сколько же мне осталось? Год, два, три?

А, в сущности, как же правильно всё складывается. Я хотел умереть – и умру. Делать для этого мне не придётся ничего. Врачей я ненавижу и лечиться не стану. Скорее, привью себе героиновую наркоманию и тихо спущу себя на тормозах. Правда, перед этим нужно будет найти нового хозяина Максу... Матери я его не отдам: у неё и без Макса четыре кошки, пятый хвост будет ей обузой. Да, мать – это вообще отдельная тема. Надо будет искать какие-то слова. Или вообще ничего не говорить?

Что меня теперь ждёт? Может, моя натура напоследок приподнесёт мне подарок в виде прозрения, жажды движения и судорожных безбашенных действий? Мне теперь можно всё, и я что-нибудь совершу: открытие либо преступление. Согласитесь, одно другого стоит...

Всё это промелькнуло в моей башке за секунду, пока я смотрел на жёлтые газели. А потом заверещал мой ненавистный телефон, я потянулся за ним и...

Чёрт меня побери! Это был совсем не входящий. Это был мой семичасовой будильник. Я лежал на своей тахте, вокруг был совсем уже синий утренний сумрак. За окном в тёмно-золотом фонарном луче нёсся мелкий зловредный снег.

Мой тошный, мучительно-подробный сон всё ещё держал меня. И не сразу осознал я всю его клеветническую вздорность. Первое: я не резался тогда, в деревне, никакой консервной банкой. Второе: перевязывая мужика, я совершенно не измазался его кровью. И третье: не далее как два месяца назад я сдавал анализы, проходя медосмотр. А ВИЧ и прочая венерическая зараза через виртуальную порнуху не передаётся. Трояны передаются, а гепатит С – нет. Кстати, давненько я не проверял своего компа...

Я решил поставить его на проверку прямо сейчас, чтобы к концу моей смены он уже просканился. Но нельзя так просто включить компа и не залезть на секундочку в почтовый ящик.

Там лежало письмо от матери.

«Миша, вчера у тебя опять был выключен телефон, и я не смогла тебя услышать. У меня ужасные новости: Николай, Тамара, Олег и его Наташа погибли. Они вчетвером разбились на машине где-то за городом. Было лобовое столкновение с грузовиком. Меня нашла по телефону их домработница Алина – сказала, что по записной книжке. Похороны были неделю назад. Теперь мы с тобой остались совсем одни».

Кружка вырвалась у меня из рук. Чудо спасло мою клавиатуру от горячего кофейного потопа, но яйца и ноги мои не спасло. Я взвыл и метнулся в ванную. Но в ванную попал не сразу.

В коридоре на гвоздочке висела моя ветровка – та самая, в которой я совершил пресловутое путешествие в марширующий сосняк. Сперва я учуял вонь жжёной синтетики, а потом увидел, как на ветровке с шипением вспыхнул карман. Я сдёрнул ветровку, швырнул в ванну и поскорее залил.

Огонь погас, но шипение не утихло. В прогоревшую дыру вынесло на поверхность воды маленькую зелёную пуговицу. Ту самую. Бог знает, из какой немислимой дряни она была отштампована, но эта самовозгорающаяся дрянь шипела в воде, как таблетка модного аспирина. Шипела и растворялась. Пх-х-х! – и вот её не стало.

Давно пора мне было помыться и пойти на работу, но я стоял и стоял немым болваном – в мокрых трусах, с липкими ляжками. В квартире всё ещё воняло жжёным, а комп светился вхолостую: я забыл запустить сканирование...

* * *

Где я сейчас? В это почти невозможно поверить, но я сижу на втором этаже дядиногo особняка. В окно ко мне лезет потрёпанная грушевая ветка. Я смотрю на эту ветку и сочиняю про неё осеннее хокку. Мой старый комп в прокуренном корпусе приехал сюда вместе со мной. Из соседней комнаты слышно, как Макс точит когти о тётушкину гобеленовую козетку. Я не вмешиваюсь: эту пижонскую козетку с позолоченными кривыми ногами я решил предоставить Максy. Представляю, как взбесилась бы моя бедная тётка. Она ненавидела животных в доме, и кошек в особенности.

Когда мы с Максoм отсюда съедем, я куплю ему нормальную когтеточку и хорошую кошачью будку, обитую мохнатым ковром. А любимому компу я куплю новый кулер и второй жёсткий диск на целый терабайт. Я не знаю, нужен ли мне этот самый терабайт, но, коли уж есть у меня теперь такая возможность... А ещё мне по-прежнему нужны новые штаны. Со всей этой вознёй с нотариусами и адвокатами я совершенно забыл, что на свете бывают магазины, где продаются штаны. Но возня того стоила.

С адвокатом мне волшебнo повезло. Наши с матерью наследственные права на дом были совершенно бесспорны, а вот за долю в дядином бизнесе пришлось покусаться. Но ловкие руки стряпчего вынесли мне шматок дядиногo бизнеса на жостовском подносе. Издержки были минимальны и совершенно логичны. Впрочем, я не стал королём штукатурных смесей и наследным принцем тротуарной плитки. Я тут же продал свою долю дядиному заместителю и совладельцу.

Выморочный особняк я тоже продам – вместе со всей мебелью. Для человека, выросшего среди бельевых верёвок и книжных шкафов в проходной комнате хрущёвки, шесть комнат и два этажа с мансардой – непонятное расточительство. К тому же, среди этого бессмысленного пространства едва ли найдётся уголок, который меня не раздражает. Позолота и лепнина, каскады хрусталя, зеркала и масляные натюрморты с ананасами и битыми рябчиками... Теперь, когда у меня появился выбор, моё «фи!» не будет гласом фрустрированной лисы, вопиющей в винограднике.

И вы без труда поверите, что такое же спокойное «фи!» было написано на лице моей матери, когда она нашла тёткину коробочку с золотом. Равнодушно перебрав цацки, «бедная Ирина» вручила всю коробочку домработнице Алине.

– Ирина Викторовна, я же не смогу это носить...

Разумеется. И никто бы не смог, зная историю этого золота. В итоге его, кажется, продали ювелирам как лом.

Второй месяц я торгую моим особняком. И, кажется, вчера на него нашёлся настоящий покупатель. Мой волшебный стряпчий проследит, чтобы нас с матерью не облапошили.

А потом мы с Максом навсегда смоемся из этого города. Недавно я развлёк себя поездкой «по третьяковкам». Москва мне совершенно не понравилась, но не о ней речь. Речь об одном из подмосковных городков, через которые я проезжал. Это удивительное место. Простоватое с виду, чем-то похожее на ту светлую глушь, где снимался фильм «Чучело». Едва ступив на незнакомые деревянные улицы, я вдруг понял, что попал *домой*. Нигде, даже там, где я родился, не было у меня такого простого и ясного чувства. Сейчас я присматриваю через Интернет маленькую квартиру в тамошних новостройках. Чем буду заниматься? Пока не знаю. В одном уверен точно: дворником мне больше не быть. Дворник, милый дворник с кристально поскрипывающей душой, умер навсегда.

Пуговичное колдовство показало, какой мутной зловещей сволочью я на самом деле являюсь. И всё же я благодарен Зелёной Пуговице – именно за то, что она ткнула меня носом в меня же самого. И теперь, когда мне придёт в голову возмечтать о лёгкости, о святости, я смирю истеричную гордыню, плюну в собственное светлоглазое отражение и сделаю всё, чтобы стать хоть немножко чистоплотнее – дабы в следующих перерождениях было не так тяжело тащить на себе всю эту нынешнюю грязь.

Вы мне не верите? И правильно делаете. Ведь если я благодарен Зелёной Пуговице, то совсем-совсем за другое. Вы будете потрясены, когда узнаете, за что именно я ей благодарен! Да за то, что у меня теперь есть деньги, чёрт вас возьми! И я наконец-то получил множество тех удобных мелочей, что давно и неизбежно составляют вашу обыденность, а для меня ещё так недавно были чем-то совершенно недостижимым – как Интернет, загранпаспорт и американская шоколадка для северного корейца. А теперь я получил свободу и возможности – спасибо Зелёной Пуговице. Потрясающее откровение, правда? А так оно всегда и бывает: вы сходу отмечаете очевидный ответ именно потому, что он очевиден. Вы лезете в лукавые дебри, сопите и гремите отмычками, а ларчик открывается просто: суньте под его крышку лезвие бритвы Оккама и надавите слегка.

Итак, я теперь богат и свободен. Правда, для этого понадобилась смерть четырёх человек. Но мне сказали, что они, вероятно, погибли от одного удара и без мучений – две супружеские четы, жившие вполне счастливо и умершие в один день.

Запомните крепко, дорогие мои. Я их не убивал; за свои тайные желания мы несём ответственность не больше, чем за свои сны. Моих родственников убил стакан водки, выпитый Олегом на чьих-то крестинах. Я дал себе труд детально изучить это дело и понял, что водитель камаза, отделавшийся сотрясом и переломами, был действительно невиновен. Но я подстраховался и руками моего чудо-стряпчего сделал всё, чтобы с головы камазиста не упало больше ни единого волоса. Я даже навещал его в больнице. Душевное состояние чувака было жутким. Похоже, до конца дней своих он будет считать себя убийцей. Что мне было с ним делать? Вновь и вновь, преодолевая своё косноязычие, внушать ему мысль о его невиновности? Оставлять возле кровати пакеты с деликатесами? Больше я не мог ничего. Но большего и не требовалось.

Честно говоря, совесть камазиста была мне до балды. Как и моя собственная, впрочем. Вот правда: мне совершенно безразлично, насколько мутная я сволочь. Во всяком случае, когда я решил истратить десятину от своей доли наследства на помощь бездомным кошкам, мною руководил отнюдь не рефлекс замаливания грехов. Просто мы пошептались с Максом и решили, что так будет правильно. Узнав об этом, моя мать рассмеялась новенькими зубами и сказала: «Ну, делайте как знаете».

Что ещё добавить? Вы, наверное, ждёте здесь появления женщины – хрупкого тонконогого сокровища, обретённого на форуме любителей шибари. Было бы ещё забавней, если бы она долго скрывала от меня лицо, а потом взяла да и оказалась бы нашей доброй пчёлкой Алиной. И бывший дворник с бывшей приходящей домработницей, связанные любовью к японской поэзии и японским эротическим узлам, создали бы изумительную пару. Но вы же понимаете, что так не бывает. В телефоне у всамделишной, а не выдуманной Алины на все входящие звучит «О боже, какой мужчина». Честное слово, лучше бы она пукала за столом. Или у неё была бы пластмассовая нога. Я мог бы полюбить женщину с пластмассовой ногой, но с пластмассовыми мозгами – никогда. Так что женщины у меня по-прежнему нет.

После того кошмарного сна про негодную кровь я почти совершенно перестал видеть ночные картинки. Если мне что и снится, то тихая улочка моего подмосковного рая, до которого я всё никак не доберусь. В моём недавнем сне вместо плитки и асфальта улочку покрывал почему-то дубовый паркет. Я нежно ступал по этому паркету и гнал метлою невидимую пыль. А метла моя была связана не из карагача и не из чилики, а из цветущих вишнёвых прутьев. И хоть бы один лепесток упал на паркет. Хоть бы один!

Но все знают, что так не бывает. Всякая метла, даже самая лучшая, вместе с мусором выметает и самоё себя – по прутику, по листочку, – пока не останутся на черенке грубые никчёмные обглодыши. И я, внезапно одаренный чувством собственного веса, рано или поздно обречён испытать и предсказуемое последствие: каково это, когда тебя трёт и лохматит о время, подобно тому, как трёт и лохматит об него всех прочих *весомых, живых и настоящих*? И не застёгнуто ли моё собственное будущее на чью-нибудь Зелёную Пуговицу? Тогда... Что ж, тогда мне не позавидуешь. С другой стороны, тогда я наконец всё обо всём разужнаю – чтобы благополучно забыть, когда я вернусь в мир людей, мётел и времени в следующий раз.

2011.

Наш день (футуристическая грёза)

– Алё, ты где?

– Да в Автозаке на Тверской...

.....
– Ну, ё-моё, нашёл место. Что ты там делаешь?

– А что делают в Автозаке... Сижу, кофе пью, какой-то салат ем. Жду, пока наши подвинтятся.

– Что насчёт завтра? Будешь на Чистых? Наш День ведь.

– Спрашиваешь... Русаков, гитару не забудь.

– Гитару не обещаю. Строй держать перестала почему-то.

– Фигово. Ну, лишь бы сам строй держал. Если чё, Васька обещал банджо принести.

А Миха принесёт индийские барабаны и варган. Но с гитарой и в самом деле беда: как попала мелкому в руки – так и начались траблы. У мелкого всё так: что к нему в руки попадёт – со всем траблы начинаются. Неделю назад смартфон раскурочил, а скурочить обратно не смог. И пароварку извёл, новую: пытался сделать из неё реактор для, прости-господи, холодного ядерного синтеза... Но в целом грех жаловаться на парня. Вчера пятёрку по русскому приволок, за сочинение «Мои любимые предки».

«...Мама и папа познакомились на митинге. У мамы был значок «Россия будет свободной!», а у папы – белая лента с надписью «Россия без Путина!». А потом маму с папой повинтили и пошвыряли в разные автозаки. Папа очень переживал. Но не потому, что попал в автозак, а потому что не успел взять у мамы телефон или скайп. Но на следующий день мама с папой опять встретились на митинге, и очень обрадовались друг другу. С того времени они стали ходить на все митинги вместе. А потом стали ходить вместе в кафе, в «Театр.doc», на кухню и в спальню...»

Вот чёрт, жена же просила купить кефиру и муки для завтрашнего торта... Жена всегда печёт Большой Белый торт к Нашему Дню. Русаков напялил джинсы и куртку, машинально сунул планшетник за пазуху, спустился во двор.

Осеннее солнышко высунулось из туч, ветер налетел, швырнул под ноги мокрую пригоршню листьев. Из-за угла вынырнул участковый полицейский с гигантской гроздью белых шаров – украшать участок. А магазин уже принарядили – всё крыльцо в хризантемах и белых лентах. Накануне Нашего Дня город белеет от хризантем, лент и шаров, особенно в Центре. Волонтерствующая школоты смывает птичье говно с головы чистопрудного Абая, и всегда находится кто-то, кто повяжет белый шарфик арбатскому Окуджаве.

В Автозаках не протолкнуться – ни в том, что на Тверской, ни в том, что на Ильинке. Но сидеть в Наш День в Автозаке – это не *труь*, как говорили и писали в дни русаковской молодости. Да вообще, кухня там никакая, а цены вздорные. Даже антураж не спасает. Все эти железные лавки, решётки на окнах, кокетливая псевдополицейская форма официанток... Многим нравится, но если уж честно, по совести... Туфта это всё. В меню – коктейли «Слеза Путина» и «Бешеный Хомячок», печенье «Госдеповское»... И никаких скидок Ветеранам Двенадцатого Года. Даже в Наш День. Мироеды, чё. Наживаются как могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.